

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Касаткиной Ксении Вадимовны
«Тип “подпольного человека” в русской литературе XIX – первой трети XX в.»,
представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – «Русская литература»

Проблема художественной типологии представляет несомненный интерес как с историко-литературной, так и с теоретической точки зрения. Выявление и описание художественных типов, созданных писателями разных эпох, изучение эволюции конкретного художественного типа, анализ его структуры и содержательных доминант дают представление об идейно-эстетических ориентирах национальных литератур, позволяют точнее определить круг проблем и духовных поисков передовых представителей национальной культурной элиты. Художественные типы, с одной стороны, возникают как результат осмысления писателями реальности, с другой, выступают в качестве образца, оказывающего непосредственное воздействие на действительность. В художественных типах фиксируются характерные черты основных действующих сил эпохи, происходит рефлексия в отношении их значимости и авторитетности, проверяется их социальный потенциал и жизнеспособность.

С теоретической точки зрения, осмысление категории «художественный тип» на конкретном литературном материале даёт возможность более тщательного исследования поэтики литературного произведения, принципов его организации и функционирования, способов эстетического воздействия на читателя. В аспекте обращения писателя к приёмам художественной типизации проявляется специфика его индивидуального художественного мышления.

Для русской литературы XIX – XX вв. проблема художественной типизации всегда имела эстетическую актуальность и была важна для большинства писателей, претендовавших на общественно значимое художественное высказывание. Более того, можно сказать, что выявление и яркое художественное

воплощение какого-либо общественного или психологического типа представлялось критикой в качестве одной из главных задач литературы, а писатель, добивавшийся в этом плане значительных результатов, удостоивался всеобщего внимания и признания. Коллеги по цеху принимались к разработке, уточнению, развитию или критике найденного художественного типа и на этом пути часто совершали свои собственные открытия, обогащавшие коллективное знание о мире и времени.

Повышенное внимание критики и писателей к поискам типичных героев и характеров оказало несомненное влияние на всю систему идейно-эстетических ценностей русской литературы. Даже писатели более скромных задач и возможностей невольно ориентировались на работу с типичными образами. В их произведениях литературный тип, описанный и осмысленный в произведениях их выдающихся предшественников и современников, мог превратиться в условность, штамп, «общее место», но при этом оставался существенным элементом эстетики. Изучение функционирования доминантных художественных типов в произведениях писателей второго ряда даёт возможность оценить степень общественной значимости и популярности использованных образцов, их содержательной точности и адекватности реальной ситуации.

Автор работы «Тип «подпольного человека» в русской литературе XIX – первой трети XX в.», представленной в Диссертационный совет Д 501.001.26 при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова на соискание учёной степени кандидата филологических наук, К.В.Касаткина ставит перед собой масштабную задачу выявить тип «подпольного человека» не только как тип героя, присущего художественному миру Ф.М.Достоевского, но шире – всей русской литературе XIX – первой трети XX вв. Думается, такая постановка проблемы имеет полное основание. Несмотря на всю неординарность героев Достоевского, их «фантастичность», по мнению многих критиков и читателей, они не взяты Достоевским из головы, а высмотрены в жизни. Очевидно, что явление, представляющее собой реальный факт и имеющее распространение в действительности, становится предметом художественной рефлексии для целого

ряда писателей, пытающихся его описать и осмыслить, выявить его социальную и психологическую природу. Не вызывает спора основной тезис соискательницы о том, что «“подпольный человек”, обладая множеством устойчивых характеристик, появляется в произведениях целого ряда русских писателей – начиная с младших современников Достоевского и заканчивая прозаиками Серебряного века и даже отдельными представителями раннесоветской литературы. Указанная литературная эпоха (с 80-х гг. XIX в. по первую треть XX в.) была отмечена целой филиацией “подпольных” героев, каждый из которых, с одной стороны, генетически связан с Подпольным парадоксалистом Достоевского, а с другой стороны, обладает ярко выраженной индивидуальностью» (С. 3. Дисс).

Диссертант проделал большую и серьёзную работу по изучению истории вопроса, что подробно отражено в вводной части диссертационного сочинения. Отмечая, что литературная критика и наука неоднократно обращали своё внимание на образ героя повести Ф.М.Достоевского «Записки из подполья» как на типический образ, нашедший дальнейшее развитие в творчестве Достоевского и оказавший влияние на ряд его последователей, К.В.Касаткина обнаруживает, что вопрос о «подпольном человеке» как одном из базовых типов русской литературы классического периода специально никогда не ставился, и, соответственно, требует отдельного осмысления и анализа.

В свете этой задачи К.В.Касаткина в первой главе диссертации «Психология “подполья”» предлагает перечитать повесть Ф.М.Достоевского с позиции выявления тех черт главного героя, которые могли бы быть определены именно как черты целого художественного типа. Такая установка вполне адекватна целям исследования и даёт возможность взглянуть на классический текст в новом ракурсе. То, что созданный Ф.М.Достоевским образ принимается в качестве базового для характеристики типа, также представляется вполне справедливым, учитывая его огромную эстетическую выразительность и детальность проработки.

Вопрос о типичности того или иного образа естественным путём увязан с вопросом о его генезисе. К.В.Касаткина считает, что «“подпольный человек” – это

своеобразный результат синтеза двух более ранних литературных типов «лишнего» и «маленького» человека. От первого «подпольный» наследует тонкую душевную организацию, склонность к самоанализу и рефлексии, неспособность к реальной деятельности, отчуждение от общества, ощущение бессмысленности собственной жизни и эгоистическое самолюбие; от второго – чувство острой социальной несправедливости и униженности, глубокий комплекс неполноценности, беспомощность и ущемлённое достоинство, а также невозможность полноценной самореализации в жизни» (С. 40. Дисс.)

Предложенная формулировка в целом может быть принята в качестве рабочей, с оговоркой, что исследуемый тип является всё-таки отражением действительного мира, а не виртуальным объектом, искусственно созданным в «творческой лаборатории» по неким рецептам «синтеза». Генезис типа «подпольного человека» не в литературе, а в жизни, хотя его содержание, безусловно, имеет обнаруженное К.В.Касаткиной родство и с «лишним» и с «маленьким» человеком. «Подпольный» – это «маленький» человек, получивший возможность интеллектуального развития, но не имеющий шанса применить свой интеллект на практике в силу сложившихся обстоятельств, главным из которых является отсутствие социальной вакансии на его притязания. Он, действительно, лишний в координатах того мира, в котором вынужден существовать.

С методологической точки зрения, сопоставление «подпольного человека» с героями произведений Н.В.Гоголя («Записки сумасшедшего»), М.Ю.Лермонтова («Княгиня Лиговская»), И.С.Тургенева («Записки лишнего человека» и «Гамлет Щигровского уезда»), Н.А.Некрасова («Застенчивость») плодотворно и не вызывает сомнений.

Предпринятый в Первой главе анализ типических черт «подпольного человека», представленных в повести Ф.М.Достоевского «Записки из подполья», позволяет К.В.Касаткиной создать в итоге типологический портрет «подпольного человека». Он достаточно развёрнут и включает в себя 11 позиций, часть из которых была уже отрефлексирована критикой и литературоведением в качестве индивидуальных черт Парадоксалиста, а часть выявлена автором диссертации в

результате собственного исследования. К последним относятся такие сущностные черты типа как «взаимообусловленность таких качеств, как гордость, стыд, самоуничижение и самовозвеличение; ощущение собственной ничтожности (развитие качеств «маленького человека»), оскорбленное самолюбие» (с. 86. Дисс.), «“усиленное сознание”, “дурная бесконечность” рефлексии, сомнение как основа мыслительной деятельности героя» (с. 86. Дисс), постоянное переживание чувства стыда, «которое сопровождает буквально каждый его поступок. Проявления стыда у Подпольного парадоксалиста многообразны: “стыд постфактум”, “предвосхищающий стыд” и “стыд за стыд”» (с. 64. Дисс), «Индульгенция на дурные, низкие, несправедливые и греховные мысли и поступки, которую герой выдает сам себе ввиду собственного “покаяния”. В рамках “подпольной” логики факт признания своих слабостей является достаточным условием для “отпущения грехов”». (С. 87. Дисс.)

При всей обстоятельности описания типа «подпольного человека» вне итоговой характеристики почему-то осталась такая важная, если не главная, его черта как безграничное своеволие, которое фактически является своеобразной религией подпольного человека. Драма «подпольного» заключается именно в невозможности практической реализации всех его желаний и похотей. Он способен лишь на мелкие поступки (почему, кстати, свои грехи он неизменно называет уменьшительным словом «развратик»), и это его бесит, приводит в состояние озлобленности и неврастения. Нельзя сказать, что диссертант не видит этого свойства подпольного человека, но почему-то оно выпало из обобщающего перечня черт. Возможно, потому, что оно столь очевидно, что о нём и не вспомнили в нужную минуту. Бывает такое. В последующих частях диссертации о своеволии как характерной черте «подпольного человека» говорится неоднократно, что в конечном итоге исправляет досадный недочёт.

Важной чертой «подпольного человека» как художественного типа, о которой также в последующих частях не раз будет говорить К.В.Касаткина в связи с вопросом об отношении «подпольного» с женщинами, но которая лишь в очень общей формулировке нашла фиксацию в обобщающей характеристике

(«эксперименты над людьми»), это ярко выраженное невротическое расстройство на почве сексуальной озабоченности, которую он не может ни скрыть, ни преодолеть. Секс для «подпольного» представляет собой апофеоз торжества своеволия. В сексе ищет он самоутверждения, но и в этом терпит поражение, так как плотское влечение оказывается сильнее его «усиленного сознания» и он уступает, оказывается слабее даже той женщины, которую ему не нужно добиваться, так как её услуги предоставляются за деньги. А если он встречает женщину свободную и равноправную, он и вовсе оказывается ничтожеством. И из этого своего униженного состояния мелко и гадко мстит. Укус его словно мышинный, невелик, но болезнен. Порой до крови. Впрочем, этой капли крови «подпольному» довольно, чтобы получить финальное удовлетворение. «Подпольный» по сути своей садист, и об этом его качестве, думается, нужно писать более определённо.

Вторая глава диссертации «Трансформация типа “подпольного человека” в других произведениях Ф.М.Достоевского» очевидна по своей задаче, так как для великого русского писателя, считавшего себя первооткрывателем этого типа, исследование его стало насущной творческой необходимостью и он многократно обращался к нему, воплощая в многочисленных образах своих романов. Однако К.В.Касаткина берёт для своего исследования лишь троих персонажей: Аркадия Долгорукова из романа «Подросток», Ипполита Терентьева из романа «Идиот» и ростовщика из повести «Кроткая». Такой выбор определён убеждённо К.В.Касаткиной в том, что методологически правильно различать героев, обладающих чертами «подпольного», и героев, представляющих собой именно тип «подпольного человека». Названные три героя, по мнению соискателя, «более всего типологически родственны Парадоксалисту» (С. 90. Дисс.)

На материале этих образов К.В.Касаткина рассматривает такие содержательные аспекты функционирования типа «подпольного человека», как «выход из “подполья”» (Аркадий), «самоубийство как финал “подполья”» (Ипполит) и «психология любви в “подполье”» (Ростовщик). Заметим, что выбранные аспекты анализа, действительно, являются ключевыми для понимания

типа «подпольного человека» и отражают главные направления мысли Достоевского.

Конечно, есть своя логика в таком порядке рассмотрения этих героев, хотя на наш взгляд, было бы точнее и эффективнее рассматривать их в порядке хронологии их создания: Ипполит, Аркадий, Ростовщик. Такое, хронологическое, исследование в большей степени соответствует термину «трансформация», если, конечно, речь идёт об эволюции художественного типа. В любом случае, стало бы очевиднее, что выход из ситуации «подполья» Достоевский видит на путях возвращения героя из мира «усиленного сознания» к реальности, к правде «живой жизни», к приятию её, к включению в диалог с нею. Именно так, неожиданно для себя, выходит из пропасти «подполья», из его последнего тупика – решения покончить с собой – Ипполит, читая свою исповедь, вырываясь тем самым из дурной бесконечности саморефлексии, предавая себя суду актуальных, а не сочинённых оппонентов. И пусть в их реакции он не находит понимания, но зато встречает подлинность, разрушающую подполье. Этот путь становится магистральным для Аркадия Долгорукова, который сперва также не ищет литературной славы и читателя, но в конце понимает необходимость сделать свою исповедь предметом внимания другого человека (только в этом случае она и становится исповедью!). В отличие от Ипполита, который нашёл свою аудиторию спонтанно и вызвал у неё своими признаниями лишь смех, Аркадий свою рукопись передаёт в руки авторитетного и доброжелательного наставника, чьё ответное слово становится для него истинным спасением.

В хронологической перспективе отчётливее бы проступила и другая линия размышлений Достоевского: о женщине и любви в мире «подпольного».

Самостоятельную ценность представляет Третья глава диссертационного исследования «Тип “подпольного человека” после Ф.М.Достоевского». Её появление в структуре исследования также вполне обоснованно и не вызывает сомнения. Явление типа «подпольного человека» представлено на материале произведений М.Н.Альбова, М.В.Гаршина, А.И.Куприна, Л.Н.Андреева, В.П.Свенцицкого, Ю.К.Олеши. Своим исследованием К.В.Касаткина привлекает

внимание не только к текстам, прочно вошедшим в читательское сознание и круг научных интересов историков русской литературы, но и лежащим на периферии, что следует специально отметить как одно из достоинств работы К.В.Касаткиной.

Понятно стремление исследователя отыскать в наследии писателей, шедших за Достоевским, предмет своего исследования, но, как нам кажется, в некоторых случаях, увлечённая поиском К.В.Касаткина отступает от тех жёстких принципов дифференциации героев с чертами «подпольного типа» и собственно представителей «подполья», которые были заданы ею во второй главе. Так, на наш взгляд, подсудимый в рассказе А.И.Куприна «Чужой хлеб», Иуда Искарот в одноимённом рассказе Л.Н.Андреева и доктор Керженцев из его же рассказа «Мысль» скорее всё-таки являются героями с чертами «подпольного типа», чем собственно непосредственно «подпольными» персонажами. Это герои поступка, а «подпольный» не способен к нему. Он может задумать месть, но осуществить её готов только в своём воображении. Когда дело доходит до практики, он оказывается бессилён предпринять что-либо внятное. Максимум, чего он может добиться – имитировать действие. И это уже будет для него событием. В этом, кстати, главное отличие «подпольного» от «новых людей» – активных переустроителей жизни (пусть даже топором). Преступление для «подпольного» невозможно (даже как фантазия!). Как признаётся лирический герой одного из ранних стихотворений Некрасова, на сто процентов «подпольный герой», «злоба во мне и сильна, и дика, // А хватаюсь за нож – замирает рука!» («Я за то глубоко презираю себя...», 1845).

Но, возможно, для достижения целей исследования и нет особой необходимости строгой дифференциации героев по степени «подпольности», которая может лишь сузить поле исследования и обеднить общую картину. Внимание к образам, содержащим черты «подпольности», но не являющимися абсолютными представителями типа, даёт пищу для размышлений и подсказывает новые направления поиска.

Работа К.В.Касаткиной вносит достойный вклад в изучение проблемы жизни «подпольного» героя в русской литературе, хотя она понимает, что

проведённое исследование не исчерпывает её. «Мы постарались привести как можно больше примеров “подпольных людей” в произведениях отечественных писателей, – пишет она в Заключение, – однако нельзя с уверенностью утверждать, что даже на указанном хронологическом промежутке удалось выявить и описать абсолютно всех представителей этого типа. Данный список остается открытым и, возможно, со временем будет дополнен новыми героями». (С. 183. Дисс.) Остаётся надеяться, что подобная работа будет впоследствии осуществлена. В частности, будет проведено в выбранном направлении прочтение произведений писателей русского зарубежья. Не менее перспективной кажется нам обращение и к русской поэзии. Возможно, среди её лирических героев отыщется немало «подпольных».

Положения диссертации адекватно отражены в представленном автореферате. Диссертация выполнена на добротном научном уровне и соответствует требованиям п. 9, 10 Положения о присуждении учёных степеней. В ней содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для отечественной филологии и изучения творчества Ф.М.Достоевского. Автор диссертации, Касаткина Ксения Вадимовна, заслуживает присуждения искомой учёной степени «кандидат филологических наук» по специальности 10.01.01 «Русская литература».

П.Е.Фокин,

кандидат филологических наук,

ведущий научный сотрудник ФГБУК «Государственный литературный музей»

Подпись П.Е. Фокина заверяю.
Наг. общ. отдел

Фамилия:	Фокин
Имя:	Павел
Отчество:	Евгеньевич
Должность:	ведущий научный сотрудник
Место работы	ФГБУК "Государственный литературный музей"
Ученая степень:	кандидат филологических наук
Ученое звание:	нет
Телефон:	8-909-924-29-10
E-mail:	pfokin@mail.ru
Адрес, индекс:	117525 Москва, ул. Чертановская, д. 23, корп. 1, кв. 43
Публикации:	1. Достоевский. Перепрочтение. – СПб.: Амфора, 2013. – 288 с. 2. К вопросу о генезисе «Дневника писателя» 1876–1877 гг. (биографический аспект) // Ф.М.Достоевский. Современные международные исследования. – Пекин: Peking University Press, 2014. – С. 205–211. (На китайском яз.) 3. Мышление человека как предмет художественного изображения Ф.М.Достоевского // Ф.М.Достоевский. Современные международные исследования. – Пекин: Peking University Press, 2014. – С. 348–354. (На китайском яз.) 4. Поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор» в идейной структуре романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Revue de la pensee d’aujourd’hui. Tokio. 2010. Vol. 38 – 4. P. 352 – 373.